

Глава 8. Чужое расписание

«Ты мной гордишься, Эван?»

Эта фраза, произнесённая интимным, пробирающим до костей шёпотом в полутёмном вагончике, преследовала меня уже вторые сутки. Я слышал её в гудении вентиляции на девяносто девятом этаже, в щелчках клавиатуры, в стерильной тишине моего стеклянного кабинета.

Во время срыва он остановился, когда я дал ему выход, который возвращал ему сцену. Это не делало меня хозяином его решений. Скорее, мой голос стал для него опасно удобной точкой, за которую он мог ухватиться, когда не хотел выглядеть слабым перед камерами. Он ждал награды. Он ждал моего одобрения, словно я стал единственным зеркалом, в котором он хотел видеть свое отражение. Я знал, как работают системы сдержек и противовесов. Если ты становишься для самого опасного существа на планете удобной точкой опоры, это не дает тебе власти. Это лишает тебя права на собственную жизнь.

Я сделал глоток остывшего кофе и разблокировал рабочий планшет, чтобы свериться с планами на неделю. Мне нужно было вернуть реальность в привычное, контролируемое русло корпоративной рутины. Подготовка к пресс-туру, согласование новых методичек для отдела маркетинга, пара встреч с юристами. Обычная работа.

Сетка календаря VoughtOS загрузилась с короткой задержкой. Я моргнул. Затем протер глаза и всмотрелся в экран снова.

Цветные блоки, обозначавшие мои встречи, исчезли.

Вторник — пусто. Среда, где у меня был запланирован трехчасовой бриф с аналитиками Эшли — абсолютно чистое поле. Четверг — отменена встреча с юридическим отделом по поводу инцидента со статистом. Но хуже всего выглядела пятница.

Мой ужин с Марком, бывшим коллегой из отдела антикризисных коммуникаций, с которым мы собирались выпить пива и обсудить его перевод в другой департамент, был аккуратно удален. Вместо всех этих событий, заполняя всё мое рабочее и нерабочее время, в календаре зияли массивные серые блоки с одной-единственной пометкой: «Приоритет 1. Доступен по требованию».

Это был код Хоумлендера.

Я медленно опустил планшет на стол. Внутри начала сворачиваться тугая, холодная пружина. Отслеживание моего телефона было нарушением прайвеси. Перевод на девяносто девятый этаж — демонстрацией силы. Но это... это было стиранием моей личности. Он не просто изолировал меня физически, он начал вычищать других людей из моего расписания.

Я потянулся к стационарному телефону и набрал номер технической поддержки руководящего состава.

— Поддержка Vought, слушаю, — раздался бодрый голос оператора.

— Это Эван Кросс. Мой календарь был сброшен. Кто-то отменил все мои встречи на эту неделю, включая внешние контакты. Восстановите бэкап за вчерашний вечер.

Наступила долгая, вязкая пауза. Я слышал стук клавиш на другом конце провода.

— Мистер Кросс... — голос оператора потерял профессиональную уверенность. — Я вижу изменения. Но они были внесены не из-за системного сбоя. У меня нет прав на откат этих правок.

— Кто их внес?

— Инициатор изменений имеет высший уровень допуска, сэр. Директива оформлена как «Обеспечение оперативной готовности личного советника». Мне очень жаль, но система блокирует любые ручные корректировки с вашей стороны.

Я повесил трубку, не прощаясь.

Два отчетливых, сухих удара костяшками по стеклу прозвучали как выстрелы в абсолютной тишине этажа.

Я поднял взгляд. Хоумлендер стоял за стеклянной стеной моего кабинета. Он был в полной форме, плащ идеально спадал с плеч, а на лице сияла та самая теплая, всеамериканская улыбка, которую он обычно берег для прайм-тайма. Он ждал. Он соблюдал мое чертовое правило — стучать в дверь, превратив его в издевательский ритуал своего триумфа.

— Войдите, — ровным голосом произнес я.

Стеклянная дверь бесшумно отъехала в сторону. Он шагнул внутрь, и пространство кабинета мгновенно сжалось, словно из комнаты выкачали половину кислорода.

— Доброе утро, Эван! — его голос вибрировал от показного энтузиазма. Он подошел к моему столу, оперся на него обеими руками в перчатках и наклонился ко мне. — Я зашел проверить, как ты. После вчерашнего... инцидента на съемках ты выглядел напряженным.

— Я в порядке, — ответил я, откидываясь в кресле, чтобы немного увеличить дистанцию между нами. — Чего не скажешь о моем расписании.

Хоумлендер усмехнулся, его глаза блеснули искренним удовольствием. Он обошел стол и встал у меня за спиной. Я заставил себя не дергаться, хотя инстинкты кричали о том, что у меня за спиной находится хищник.

— О, это. Я подумал, что тебе нужно сосредоточиться, — его голос зазвучал прямо над моим ухом. — Я видел твой календарь, Эван. Это же просто кошмар. Эшли тянет тебя на какие-то бессмысленные летучки, юристы хотят обсуждать бумажки... Они тратят твой ресурс. А твой ресурс сейчас нужен мне. Нам предстоит большая работа над моим имиджем, ты сам говорил. Я просто убрал информационный шум.

«Информационный шум». Вот как он теперь называл мою профессиональную деятельность.

— Моя работа заключается в том, чтобы координировать действия компании в отношении вас, — я развернулся вместе с креслом, заставив его сделать полшага назад. Я должен был смотреть ему в глаза. — Я не могу выстроить вашу защиту перед прессой, если я не знаю, что готовят аналитики Эшли и какие иски подают юристы. Вы не оптимизировали мое время, вы оторвали меня от инструментов, с помощью которых я вас защищаю.

Его улыбка стала чуть тоньше, края губ напряглись.

— Эшли — идиотка, — мягко, но с металлической ноткой произнес он. — Юристы — трусы. Мне не нужны их стратегии. У меня есть ты. Мой голос разума, верно?

Он протянул руку и аккуратно, кончиками пальцев поправил воротник моей рубашки. Жест был собственническим, интимным. Я не отстранился, помня о нашем соглашении. Я показал ему честность. Я позволил ему почувствовать, как дрогнул мой пульс, но мой взгляд остался твердым.

— Допустим, — сказал я, игнорируя прикосновение. — Я восстановлю встречу с аналитиками на среду в ручном режиме через Эдгара, если придется. Это нужно для дела. Но вы отменили не только рабочие встречи.

Хоумлендер медленно убрал руку с моего воротника. Температура в комнате, казалось, упала на несколько градусов.

— Ты про пятницу, — констатировал он. Игровой энтузиазм исчез из его голоса, уступив место холодной, оценивающей внимательности.

— Мой ужин. В нерабочее время, — подтвердил я, глядя прямо в его льдисто-голубые глаза. — Я не принадлежу Vought двадцать четыре часа в сутки. И я не работаю в выходные, если нет активного кризиса. Пятничный вечер — это мое личное время. И я намерен провести его так, как планировал.

Он долго смотрел на меня. В тишине кабинета я почти физически ощущал, как работают шестеренки в его голове, как он взвешивает мою непокорность. Я защищал не просто ужин. Я защищал свое право на существование вне его тени.

— Личное время, — медленно повторил он, пробуя слова на вкус. — Зачем тебе тратить его на кого-то еще, Эван? Мы могли бы поработать над речью для Конгресса. Или просто... отдохнуть. Тебе нужно отдыхать в безопасном месте.

— Мне нужно общаться с людьми вне этой башни, чтобы не сойти с ума, — жестко ответил я. — Это правило моей психологической стабильности. Если вы хотите, чтобы я оставался эффективным советником, не запирайте меня в вакууме. Я иду на этот ужин.

Хоумлендер склонил голову набок. Лицевые мышцы расслабились, и на губы вернулась улыбка — идеальная, пугающе искренняя, за которой скрывалась бездна.

— Конечно, Эван. Ты прав. Психологическая стабильность — это важно, — он сделал шаг назад, давая мне пространство. — Я просто хотел убедиться, что ты не переутомляешься. Кто этот счастливчик, ради которого ты готов спорить со мной из-за вечера пятницы?

Его тон был легким, почти светским. Но я не был идиотом. Я слышал ловушку. Он хотел имя.

Скрывать его не имело смысла — если бы я отказался отвечать, он бы воспринял это как угрозу, как секрет, который нужно раскрыть. Он бы поднял серверы Vought, отследил мои звонки или перехватил сообщения. Ложь или молчание обошлись бы дороже.

— Марк Дэвис, — ровно произнес я. — Мы работали вместе в отделе антикризисных коммуникаций до моего перевода сюда. Обычная встреча старых коллег.

— Марк Дэвис, — задумчиво повторил Хоумлендер, словно записывая имя на подкорку. Глаза его оставались совершенно спокойными. Никакого вспыхивающего красного света, никакой ярости. Только холодный, расчетливый интерес к препятствию, возникшему на его территории. Он воспринимал любого человека из моего окружения не как друга, а как конкурента за мое внимание. — Звучит как отличный парень. Передавай ему привет от меня. Уверен, вы прекрасно проведете время.

Он развернулся и направился к выходу. Стеклопанная дверь открылась перед ним.

— И, Эван, — он обернулся, стоя в дверном проеме. — Я верну твою встречу с аналитиками на среду. Ты был прав. Инструменты нужно держать в порядке. До завтра.

Дверь закрылась. Я остался один.

Я медленно выдохнул, чувствуя, как напряжение покидает мышцы. Я отстоял свои границы. Я вернул часть рабочего расписания и сохранил личное время. Он отступил. Это была маленькая, но победа в нашей постоянной войне за контроль. Я придвинул к себе планшет, чтобы проверить, действительно ли он разблокировал среду.

Спустя три часа, когда я заканчивал редактировать черновик пресс-релиза, экран моего

телефона, лежащего на столе, загорелся. Пришло сообщение в защищенном мессенджере.

Я взял телефон. Это был Марк.

«Эван, извини, пятница отменяется. Какая-то дичь происходит. Полчаса назад HR прислали уведомление о моем экстренном переводе в филиал в Омахе. С повышением, но я должен быть там завтра утром. Билеты уже куплены, рейс через два часа. Даже вещи собрать не успеваю. Пересечемся как-нибудь потом».

Я перечитал текст дважды. Буквы плыли перед глазами.

Омаха. Штат Небраска. Полторы тысячи миль от Нью-Йорка. Экстренный перевод день в день.

Холод снова вернулся, на этот раз пробираясь под самую кожу. Хоумлендер не стал спорить со мной. Он не стал угрожать мне или запрещать идти на ужин. Он с улыбкой согласился с моим правом на личное время, а затем просто вырвал человека из моей жизни, отправив его на другой конец страны щелчком пальцев.

Я уставился на экран телефона. У меня не было ни единого прямого доказательства того, что это сделал он. Перевод оформлен через HR, с повышением, официально и чисто. Корпоративная политика Vought. Но я знал. И он знал, что я знаю.

Мой палец завис над кнопкой вызова Хоумлендера. Я мог бросить ему обвинение прямо сейчас. Но без доказательств это будет лишь демонстрацией моей беспомощности. Я должен был решить, как играть в эту игру дальше, зная, что цена моего «личного времени» теперь измерялась сломанными жизнями тех, кто осмелится на него претендовать.

<http://bllate.org/book/18410/1759048>